

ДНЕВНИК ОТ ДЕКАБРЯ 1941 Г.

Ленинград 8 декабря 1941 г.

Начинаю этот дневник вечером 8 декабря. Порог настоящей зимы. До этого времени было еще малоснежие и морозы были слабые, но вчера, после -15° -ой подготовки утром ударил мороз в -23° . Сегодня держится на 16° , сильно метет весь день. Снег мелкий, неприятный и частый, пути замело, трамваи из-за этого не ходят. У меня в школе было только 3 урока.

Война ширится. Сегодня узнали о начале военных действий между С.Ш.А. и Японией. Вклеиваю сюда на память несколько вырезок.

(Вклейка газетной статьи «Агентство Рейтер об английском ультиматуме Финляндии, Венгрии и Румынии»)

Так как дневник начинает писаться не только не с начала войны, но с середины обычного месяца, необходимо сделать краткий перечень всего интересного, что произошло у нас и как мы живем в данный момент.

Ленинград в кольце блокады; часто бомбардировался, обстреливался из орудий. Топлива не хватает: школа, например, отапливаться углем не будет. Сидим на 125 гр. хлеба в день, в месяц мы получаем (каждый) примерно около 400 гр. крупы, немного конфет, масла. У рабочих положение немного лучше. Учимся в бомбоубежище школы, т. к. окна (из-за снаряда) забиты фанерой и собачий холод в классах. Дома живем в одной комнате (для тепла). Едим 2 раза в день: утром и вечером. Каждый раз суп с хряпой или чем-

нибудь другим (довольно жидкий), какао – утром, кофе вечером. До последнего времени пекли лепешки и варили изредка каши из дуранды (теперь она кончается). Закупили около 5 кг. столярного клея; варим из него желе (плитка на 1 раз) с лавр. листом и едим с горчицей.

Борис* находится в Белозерске; остальные** из-под Костромы собирались (7 ноября) перебираться в Бузулук.

9/XII. Пятнадцатиградусный мороз без сильного ветра, снега нет. Трамваи после вчерашних заносов не ходят. Целый день с утра до вечера идет отдаленная стрельба. Ребятам в школе дали без карточек (а возможно, будут давать и впредь) жиденского супа. Все-таки это что-нибудь да значит. Днем у нас с 10 до 5 часов света нет, самые неприятные последние часы – темно. Сегодня перетасили со двора дрова, которые легче всего стянуть. Днем поели клею, попили горячего кофе с хлебом, с салом, полусухарём и галетиной. Всего, конечно, минимальное количество, но все же это из ряда вон выходящее событие. Вечером думаем шить варежки. Спать лягу часов в 8.

10/XII. Погода все та же. В 6 часов утра мама ходила в очередь за конфетами. Но безуспешно. Вернувшись, сообщила радостную новость: нашими войсками взят снова Тихвин. Приподнятое настроение. Мама сшила первую пару варежек. Замечательные: просторные и теплые. Сегодня сварили суп на 2 дня из 10 картошек (2 кастрюли), кружки бобов, чуть-чуть лапши и по кусочку мясных консервов. Это уже третий двухдневный картофельный суп (после капусты кажется замечательно вкусным). Послезавтра снова капуста. Это последняя и уже неполная бочечка. Клея по городу нет. При случае запасем еще. Пока он идет у нас замечательно с разными острыми приправами.

Зато плен камин. Сейчас будем греться, пить кофе, читать вслух. Настроение бодрое. Ждем газет с подробностями о

* Борис Матвеевич Смирнов (1912–1996) (см. также Предисловие), в начале войны был мобилизован, служил в лётных частях.

** Родственники (см. Предисловие), отправившиеся в эвакуацию.

боях за Тихвин. Дневник теперь я пишу как только дают свет, т. е. после 5 часов.

11/XII. Сегодня – еще радостная весть: наши войска взяли Елец. Потери немцев – 12 000 убитыми и ранеными, 90 орудий и т. д. На Тихом океане заваривается страшная каша. Япония действует вовсю. В школе было из-за холода 4 урока. Вероятно, так будет и впредь. Собрались все дома до 2-х часов. Поэтому согрелись чаем. Выдано по сухарю и галетине. Обедать сегодня будем позднее. Вокруг – упорные, но, по-моему, ложные слухи о прибавке хлеба. Идут разговоры об эвакуации через лед Ладожского озера. Кто говорит, итти пешком – 200 км., кто – 250 км. На вторую декаду выдадут еще понемногу столового масла. Если удастся получить – замечательно.

Сегодня намечается шитье варежек для меня.

12/XII. После сильной ночной метели – замечательное ясное, морозное утро и день. Улицы занесены снегом. Трамваи не ходят. Испытал свои новые варежки – прямо спасение для рук: совсем не мерзнут.

Мама получила за первую декаду месяца 800 гр. черных макарон. Сразу же разделили их на 10 частей. Выходит – по неполной чайной чашке на кастрюлю супа. Суп сегодня уже варили с капустой. Папа сегодня ушел в школу на ночное дежурство. Взял 2 одеяла, надел свежешитые стеганные ватные бурки: ведь в школе лютый холод! Такие же бурки, вероятно, будут готовы к среде для меня. Сейчас мы втроем сидим и читаем. Скоро пойдем спать.

Вообще все мы страшно похудели, в ногах и теле слабость, которая особенно чувствуется после пилки дров (даже очень непродолжительной), ходьбы и т. д.

Тело все время зябнет, пустяковые царапины и ожоги не заживают очень продолжительное время.

Уроки стараюсь готовить в школе, раньше ложиться спать.

13/XII. Газет еще нет, но сводка, кажется, хорошая. 2-е наступление немцев на Москву провалилось, с огромными для них потерями. Гитлер бесится, юлит, старается придумать хоть какое-нибудь объяснение провала «молниеносной войны».

Америка ведет себя, как боксер тяжелого веса в начале боя: бодро сообщает о гибели линкора и линейного крейсера – «пустяки мол, наплевать».

Папа продежурил ночь благополучно, пришел еще до ухода нашего в школу. На вечер план такой: греемся у камина, пьем кофе, читаем «Морского волка» и рано ложимся спать.

Завтра так же думаем отсыпаться.

Сегодня начали подготовку к 20 числу: отрезали часть от 2-х дневной получки хлеба. Так что к дню моего рождения каждый получит на пиру по такой добавке.

14/XII. Спали до 11 часов. День прошел незаметно. Варили обед, я доделал микроскоп, но еще не испытал его. Вечером прочли при камине 3 главы «Морского волка». Скоро должны выключить электричество. До этого момента почитаю «Большие надежды» Диккенса. Потом – спать. К вечеру оставил четыре ломтика сушеного хлеба (очень маленьких), кусочек сухаря, полложечки топленого сахара (чаю я не пил во избежание запухания) и будет еще благодаря воскресенью выдача шоколада. Сегодня подсчитал остатки клея – 31 плитка. Как раз на месяц.

В городе заметно повисилась смертность: гробы (дощатые, как попало сколоченные) возят на саночках в очень большом количестве. Изредка можно встретить тело без гроба, закутанное в саван.

15/XII. Туман при морозе в 25°. Все покрыто инеем. По краям улиц скапливаются громадные сугробы. Снег убирать трудно, поэтому даже после не особенно сильного снегопада трамваи не ходят. В бомбоубежище школы – адский холод. Заниматься очень трудно. Мама идет сегодня на

С некоторых пор все замечают, что у меня опухает лицо. Думаю поэтому как можно больше уменьшить себе порцию воды. Вообще об опухании: по городу эта болезнь очень сильно распространена. Опухание начинается с ног, переходит на тело; многие умирают. Еще раз подчеркиваю громадную смертность среди населения. Возвращаясь из школы можно встретить до 10 гробов.

16/XII. После 1 урока, ввиду холода, нас попробовали перевести в 11 школу; оказалось, что там еще хуже: к холоду прибавилось отсутствие света. Не знаю, как просидели 2 урока. Потом мы пошли в столовую. Съели по тарелке супа.

Сейчас ждем прихода мамы. Затопили плиту, будем варить обед.

Наши части все продолжают теснить немцев. Газет еще не было, но кажется нами заняты: Клин, Ясная Поляна и еще несколько станций и местечек.

Писем пока ни от Бори, ни от «Бузулучан» (как мысленно я называю теперь наших) нет.

Вообще же настроение достаточно бодрым держать иногда трудно. Сказывается и холод, и недоедание.

17/XII. В школе – 3 урока: заболел физик. Кроме жиденького супа дали микроскопические дозы повидлы. Хоть кое-что!

Дома согрелись кофеем. С утра оставили к нему немного хлеба. Мама дала по кусочку из остатков сала. Я свою порцию подсушил в камине на щепочках и оставил к вечеру. Буду есть и читать в постели (к своей кровати я провел лампочку). Сегодня отложили уже III порцию хлеба в фонд 20 числа.

Сводка, кажется, хорошая: кроме нескольких местечек наши войска взяли Калинин. Вообще же газеты приходят очень плохо.

Еще немного о школьных занятиях. В школе я почти совсем не пишу, стараюсь только понять и запомнить самое

главное. Уроков в большинстве случаев дома не готовлю. Хватаю только самое главное.

18/XII. Мороз полегче, ветра нет. В бомбоубежищах такой же холод. Писали контрольную по химии, руки заочене-ли. Учителя готовятся к концу «I полугодия» ставить отметки.

Сегодня будем топить плиту. Когда придет папа, может быть попилим дров.

Капуста идет к концу – осталось всего полбоченочка. Потом как-нибудь будем выкручиваться.

Все мы ждем не дождемся прорыва кольца блокады, а отсюда и улучшения положения населения.

Все в очередях, на улице почему-то уверены, что это последний тяжелый месяц.

19/XII. Канун моего дня рождения. День после школы занят усиленной работой: пилим дрова, колем и таскаем в комнаты. Перед работой подкрепились остатками черных сухарей и кусочками сала с какао. Для истощенного организма работа кажется страшно тяжелой, руки быстро устают. Так или иначе, но вообще напилили довольно много дров. Остальные сложили плотным штабелем и забили досками (против воров).

Скоро будем обедать. Это не вредно, т. к. голод дает себя чувствовать, да и все тело ломит от усталости. Потом затапим камин, вымоем головы и ноги, сменим белье.

На завтра мама достала за 10 пачек папирос маленький кусочек дуранды (дорого!). Из него и из бобов она устроит праздничную кашу. Отрезали сегодня последний (4) пай в фонд завтрашнего пира.

Немцы вспомнили о нас: вчера был короткий, но очень интенсивный обстрел, кажется, Куйбышевского р-на. Сегодня тоже кого-то обстреливали.

20/XII. Запишу о празднике не много. Он еще впереди. Сейчас варится торжественный обед.

■ В школе сегодня много работали, я – по уборке снега (2 часа), папа по разборке дома на дрова для школы. Потом

я и еще некоторые ребята поехали на завод за буржуйками для школы и учителей. Завод — у Волкова кладбища. Большое «оживление», масса гробов... По дороге видели неубранный труп на улице... Все это производит очень тяжелое впечатление. Привезли к школе 5 печурок. Потом, погрузив на санки одну оставленную для папы, поехали втроем домой. Мама страшно обрадовалась: печурка чугунная, цилиндрическая, вес $\approx 4-4,5$ пуда. Приладили к ней самоварную трубу, затопили. Результат великолепный. В комнате сразу стало теплее. У мамы тоже удача: она достала 1200 гр. бомбошек. Сейчас это очень выгодные конфеты.

21/XII. Воскресенье. Спали в замечательном тепле от печурки до 10 часов. Потом согрели на ней суп и поели. Мама ушла на дежурство. Получили хлеб. Уже отрезали частицу в фонд Новогоднего праздника. Сейчас 2 часа, но уже темнеет. Только что кончился сильный артобстрел города. Немцы зашевелились, вероятно, благодаря теплу ($t -2^\circ$).

В 5 часов начнем варить обед на буржуйке. Вечером затопим камин.

День рождения прошел вчера великолепно. Я получил замечательный коллективный подарок: альбом для рисования и великолепно изданную книгу «Античное и новое искусство» с замечательными репродукциями творений великих мастеров. Потом начался обед, состоявший из 2 тарелок густого супа с капустой, каши из разваренных бобов сои с лапшой (кажется, никогда не ел такой вкусной!), кофе. К кофе было выдано по кусочку вареной почки, тресковых консервов, хлеба, меда. Из всего этого каждый состряпал десяток миниатюрных бутербродов и с наслаждением, медленно, съел. Кроме того ко сну мама выдала по несколько конфет. Организм почувствовал сытость!

Камин не топили, т. к. великолепная печечка очень сильно нагрела комнату.

22/XII. Нуль. На улицах лужи. Теплый влажный ветер. После школы устаиваем «замор червя» ради нашей новой

ШЕЛЛИ РОЗЕНТАЛЬ

АНТИЧНОЕ И ЗАПАДНО- ЕВРОПЕЙСКОЕ ИСКУССТВО

*Дорогому Мише - сыну + брату
в первый день 16го года.
Атмос*

*содержащая бессмертные памятники
искусства, отдышал от тьмы
настоящего и вспоминал
о великой зиме 1941-42 года,
еще точнее*

спасавший

нашу семью

Папа

Мама

Лина

20-xii-41

1941
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ИСКУССТВО“
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Дарственная надпись на книге «Античное и новое искусство»

победы: взята Будогощ* и еще неск. станций. Это имеет громаднейшее значение для ленинградцев.

Вчера после обстрела была тревога. Полетали самолеты, похлопали зенитки. Бомб не слышали. Это первая тревога после долгого затишья. В теле все чувствуют слабость, но к Новому году ждем улучшения.

23/XII. Снова небольшое похолодание. На улицах скользко. С фронта новых вестей нет, по школам собираются ставить отметки за I «полугодие». В теле слабость. Единственное что утешает – это надежда на скорое улучшение.

Комнатные условия в климатическом отношении благодаря печурке просто замечательные. Топим ее каждый день, суп варим тоже на день.

Очень беспокоит вопрос с продуктами: почти ничего не получено, а началась III декада.

P.S. Вот вести с фронта: клеиваю вырезку из Лен. Правды. Судя по всему, немцам придется удирать, чтобы не быть окруженными.

(Вклейка газетной статьи «Разгром гитлеровских банд частями генерал-майора Федюнинского»)

24/XII. Настроение не очень веселое, т. к. сводки еще не слышал, во всем теле и особенно в ногах сильная слабость. Ее чувствуют все.

Сегодня узнали в школе о смерти учителя черчения. Это вторая жертва голода... Уже не ходит в школу преподавательница литературы. Папа говорит, что это следующий кандидат. Многие учителя еле-еле ходят.

Жить было бы можно даже если бы получали во время наш маленький паек. Но это очень трудно.

Да, нужна сейчас Ленинграду немедленная помощь.

В первую половину дня была спокойная в. тревога.

25/XII. Сегодня Нинель из-за кашля и насморка, а главное – для сохранения сил не ходила в школу. Мы же, придя в школу, узнали великолепную весть:

* Железнодорожная станция Будогощ.

Прибавка хлеба! Получаем теперь по 200 гр. Это показатель нашего положения на фронте. У населения приподнятое настроение. Все воспрянули духом.

Сегодня днем поьем как следует кофе с хлебом, да еще с повидлой. Ее мама достала 1 кг. вместо конфет, которых все равно не достать. Теперь можно будет на печечке жарить множество мелких сухариков. Замечательно!

Сводка сегодня довольно хорошая – мы движемся вперед на многих направлениях.

26/XII. Из-за отсутствия света в школе занятий не было. Вернувшись, наколот дров для печурки и стали ждать папу. Когда он пришел, устроили питье кофе с повидлой. Хлеб после прибавки имеем возможность на «дневной замор червя» выделять специально.

Вечером мама угостила нас овсяным киселем из вываренных пелов или кострики с малым количеством муки и глицерина. Ели с солью – замечательно вкусно.

У нас всех температура держится +36°.

Это – слабость. Особенно сильно она ощущается после ходьбы или даже самой пустяковой работы. Ввиду этого (да и отметки выставлены) я до каникул не буду ходить в школу. Вылежусь и отдохну. Слабость у меня, думаю, после колки дров, последующей уборки снега в школе и поездки за печурками.

Все ждут новых улучшений. Прибавка хлеба – громадный уже шаг в деле спасения ленинградцев.

Сейчас пьем вечерний кофе. Потом почитаем «Морского волка». Кофе я стараюсь пить пустым: из хлеба засушены мельчайшие сухарики... галета расколота на мелкие части... имеется чайная ложечка повидлы. Попозже, отдыхая в постели буду читать и медленно поглощать все это...

Замечательно!

Сейчас дана в. тревога. Самолеты летают, но, вероятно, наши. Не обращаем ни на них, ни на тревогу внимания.

27/XII. В школу не пошел. Дома наколот дров для печурки, потом лег. У Татьяны Александровны мама достала книгу Беляева «Властелин мира». Кажется, очень

Ястреб. Рисунок Миши